

Алексѣй Харузинъ.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ
„О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДЕРПТѢ“.

„Только и свѣту что
въ окошкѣ“.

МОСКВА.

Высоч. утвер. Т-во Скороп. А. А. Ловенсонъ. Петровка, д. Ловенсонъ.
1891.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

БАХРУШИИЪ

Алексѣй Харузинъ.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ
„О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДЕРПТѢ“.

—>и<—
„Только и свѣту что
въ окошкѣ“.

МОСКВА.

Высоч. утвер. Типо-складъ А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Дозволено цензурою. Ревель, 11 Сентября 1891 г.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу небольшая, но очень оригинального содержанія брошюра: „О студенческой жизни въ Дерптѣ“, принадлежащая автору, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Ближайшая цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ упомянутой статьи, заключается въ желаніи „ознакомить русское общество съ мало извѣстною ему жизнью Дерптскихъ студентовъ“. Всякій рассказъ, основанный на правдѣ и появляющійся въ печати, разумѣется, долженъ быть встрѣченъ съ радушіемъ, и авторъ подобнаго правдиваго рассказа заслуживаетъ похвалы.

Содержаніе названной брошюры весьма кратко: авторъ набрасываетъ очеркъ поступленія молодого человѣка въ Дерптскій Университетъ, краткое описаніе его жизни въ первые и послѣдующіе се-

местры; даетъ очеркъ исторіи возникновенія и существованія корпорацій, а также знакомитъ съ корпоративнымъ строемъ университета, (все на 35 стр. in 16°).

Юные года пишушаго эти строки какъ разъ сложились такъ, что ему довелось получить воспитаніе въ одной изъ гимназій Балтійскаго края, довелось въ свое время насчитывать въ средѣ Дерптскихъ студентовъ десятками своихъ бывшихъ товарищей, довелось близко сталкиваться и съ самими студентами Дерпта и съ ихъ жизнью (*Leben und Treiben*), хотя завершить свое образованіе ему пришлось въ университетѣ Московскомъ. Вслѣдствіе этого мы считаемъ себя въ правѣ остановиться на упомянутой нами брошюрѣ довольно подробно, чтобы въ свою очередь нѣсколько познакомить русское общество съ Дерптскимъ университетомъ, хотя-бы отчасти и съ иной стороны, чѣмъ это сдѣлано авторомъ брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ“.

Первыя двѣ страницы своего труда

почтенный авторъ посвящаетъ нѣкоторому введенію къ своей статьѣ, въ которомъ онъ отмѣчаетъ, что „въ то время, какъ всѣ наши русскіе университеты подвержены болѣе или менѣе серьезнымъ волненіямъ и безпорядкамъ среди студентовъ, пытающихся принять участіе въ соціальной и политической жизни общества, одинъ только Дерптскій университетъ оставался спокойнымъ“. — „Не должно-ли“, говоритъ авторъ, „такое явленіе приписать оригинальному устройству въ немъ студенческой жизни“. Что касается перваго, т.е. того, что наши русскіе университеты подвержены волненіямъ съ политической цѣлью въ то время, какъ Дерптскіе студенты участія въ нихъ не принимаютъ, то здѣсь весь вопросъ поставленъ на невѣрную почву, что, вѣроятно, зависитъ отъ недостаточно близкаго знакомства автора съ русскими университетами.

Слѣдуетъ замѣтить, что балты, отстаивая „свое“ и нападая на коренную Русь, стоящую внѣ предѣловъ Балтійскихъ губерній придерживаются опредѣленныхъ

коньковъ: всякій, вступающій въ разговоръ съ балтомъ, можетъ часто услышать слѣдующіе упреки: „взгляните на нашъ порядокъ, на нашу культуру и вы увидите, что у насъ лучше и благоустроеннѣе все, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ; не забудьте, что у насъ на цѣлые десятки лѣтъ раньше произошло добровольное освобожденіе крестьянъ; посмотрите на нашъ Дерптскій университетъ—онъ никогда не былъ замѣчанъ въ безпорядкахъ“ и т. д.

Посмотришь на „порядокъ и на культуру“—и какъ будто дѣйствительно все лучше; но вникнешь въ глубь и убѣдишься, что все это внѣшность и только внѣшность, и что подъ этой оболочкой кроется нѣчто совершенно иное: и отсутствіе гуманности и всего того, что обуславливаетъ настоящую цивилизованную страну. А взглянешь на крестьянъ, освобожденныхъ раньше нашихъ на десятки лѣтъ—невольно удивляешься: до того они мало свободны, до того они фактически находятся въ кабалѣ у помѣщиковъ. На *этихъ* вопросахъ останавливать-

ся *здесь* не время и не мѣсто; но то же самое можно сказать и относительно Дерптскаго университета. Дѣйствительно, студенты Дерпта не принимали участія въ такъ называемыхъ студенческихъ волненіяхъ. Но отчего? оттого ли, что ихъ строй лучше? оттого ли, что они сами лучше, или отъ какихъ иныхъ причинъ? Не слѣдуетъ забывать, что нареканіе на русскіе университеты, будто бы они „волнуются“, справедливо лишь отчасти; не слѣдуетъ забывать, что во всѣхъ этихъ волненіяхъ принимаетъ участіе лишь незначительный процентъ всѣхъ студентовъ.

Такъ, намъ удалось узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, что напримѣръ въ Московскомъ университетѣ, въ одномъ изъ самыхъ сильныхъ волненій, виновныхъ (въ большей или меньшей степени) оказалось 400 чел. (Мы намеренно округляемъ цифру, чтобы не давать повода къ упреку въ умаленіи числа). Общее число студентовъ даннаго университета, скажемъ, 3500 (ихъ въ настоящее время около 4000)—слѣдовательно, принимавшихъ участіе въ волненіяхъ всего только

11,42%; если же мы теперь примемъ во вниманіе, что главный контингентъ „волнующихся“ приходится какъ разъ на нашихъ инородцевъ, а именно: на поляковъ, евреевъ, армянъ, нѣмцевъ *) и др., которые въ волненіяхъ, какъ извѣстно, принимаютъ наиболѣе дѣятельное и подстрекательное участіе, то окажется, что все наше русское общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова даетъ весьма ничтожный процентъ такъ называемыхъ неблагонадежныхъ студентовъ.

Но все таки, почему же не „волнуется“ Дерптскій университетъ? А потому, что студентовъ этого университета, какъ и вообще всѣхъ балтійцевъ интересуетъ лишь ихъ собственная „политика“, а не общіе интересы Россіи, не общегосударственныя стремленія, которыя, къ сожалѣнію, вели къ печальнымъ заблужденіямъ нѣкоторыхъ представителей нашей молодежи. Балты имѣютъ свою „политическую“ жизнь, ограниченную узкими рам-

*) Нѣмцы быть можетъ усумнятся, что ихъ собратья принимаютъ участіе въ „волненіяхъ“; тѣмъ не менѣе, это дѣйствительно такъ.

ками своихъ Балтійскихъ интересовъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается между прочимъ словами самого автора брошюры, о которой мы здѣсь говоримъ; а именно: онъ начинаетъ и кончаетъ свою брошюру словами: *Quia non moveo!* т. е. не трогай того, что въ покоѣ, а если тронешь, добавимъ мы (какъ кажется съ полнымъ правомъ), то плохо будетъ, т. е. авторъ какъ бы говоритъ, что если тронешь мѣстные балтійскіе (а не нѣмецкіе по его собственному выраженію) порядки, мѣстные интересы, мѣстную, слѣдовательно, „политику“, то они себя покажутъ. — Итакъ, развѣ правъ авторъ, говоря, что Дерптскій университетъ чуждъ политики?

Но авторъ брошюры утверждаетъ, что Дерптскіе студенты не принимаютъ участія въ политикѣ и объясняетъ это оригинальнымъ устройствомъ студенческой жизни. Взглянемъ на эту жизнь и посмотримъ, насколько она вообще можетъ вліять на тѣ или иные стороны характера студентовъ. Почтенный авторъ слѣдующими словами рисуетъ жизнь Дерпт-

скаго студента: „Въ день, назначенный для приѣма, вновь поступающіе собираются въ большомъ актовомъ залѣ университетскаго зданія. Ректоръ произноситъ рѣчь, въ которой объясняетъ цѣль высшаго образованія и знакомитъ ихъ съ существующими въ университетѣ правилами. Поступающіе даютъ слово строго подчинятся установленнымъ правиламъ и порядку, и затѣмъ ректоръ объявляетъ имъ, что они приняты въ число студентовъ. По окончаніи этихъ церемоній, молодежь отправляется на улицу, гдѣ ихъ ужъ ожидаютъ старшины разныхъ корпорацій, т. н. ольдерманы. Послѣдуемъ за старшиной фуксовъ *) курляндской корпораціи, вокругъ котораго собираются желающіе сдѣлаться членами. Они становятся въ одинъ рядъ и, имѣя ольдермана во главѣ, бѣгутъ одинъ за другимъ. При этомъ дѣло не обходится безъ шалостей и проказъ. Фуксы во всемъ обязаны подражать ольдерману: онъ перелѣзаетъ карету извозчика, входитъ въ

*) Фуксами называютъ студентовъ перваго курса.

разныя лавки и. т. п., за нимъ вереница фуксовъ продѣлываетъ то же самое; университетская полиція, немедля, конечно, напоминаетъ имъ о порядкѣ, но обыкновенно не очень строго относится къ подобнымъ шалостямъ. Прибывъ въ трактиръ, въ т. н. Кнейпе (каждая корпорація имѣетъ свой трактиръ), фуксы представляются корпорантамъ, вскакивая на маленькій, по срединѣ комнаты стоящій, столъ и подвергаясь болѣе или менѣе забавнымъ вопросамъ *). Потомъ они подсаживаются къ отдѣльнымъ группамъ и начинается веселая попойка. Излюбленнымъ напиткомъ служить исключительно пиво“.

Такимъ то образомъ вступаетъ молодой человѣкъ съ ученической скамьи въ университетъ—этотъ храмъ науки.

Конечно, о вкусахъ не спорятъ; при этомъ каждая національность имѣетъ свой способъ выраженія радости; но что же

*) Задача старшихъ заключается въ томъ, чтобы дразнить и всячески изводить молодыхъ студентовъ.

тутъ хорошаго? Что тутъ такого, что-бы заслуживало похвалы или, быть можетъ (по намекамъ автора брошюры) даже подражанія?

Вотъ какими словами рисуетъ авторъ названной брошюры первый годъ жизни Дерптскаго студента: „Во время перваго года своего пребыванія въ университѣтъ молодой студентъ, живущій въ корпорациі, обыкновенно не занимается особенно усердно наукою, потому что старшіе товарищи требуютъ отъ него, чтобъ онъ часто бывалъ въ Кнейпе, исполнялъ разныя порученія *) и какъ можно бли-

*) Младшіе должны безпрекословно исполнять все порученія старшихъ (нерѣдко и обидныя и оскорбительныя), за ослушаніе „фуксъ“ подвергается наказанію, заключающемся обыкновенно въ томъ, что его заставляютъ насильно пить пиво (однимъ духомъ бутылку) или же (болѣе сильная мѣра наказанія) ему намѣшиваютъ въ стаканъ подонки пива, воду, водку, мыло, бросаютъ сюда же окурки папирсъ и заставляютъ все это выпить однимъ духомъ. Какъ передавали студенты Дерпта, будто въ этотъ же стаканъ плюютъ; мы лично отказываемся (или по крайней мѣрѣ не желаемъ) этому вѣрить.

же познакомился съ большимъ кругомъ своихъ новыхъ корпоративныхъ друзей. Распредѣленіе времени студента въ первый годъ пребыванія его въ корпорациі приблизительно слѣдующее. Вставъ довольно поздно, около одиннадцати, и напившись чаю, онъ отправляется въ Кнейпе. Тамъ онъ встрѣчаетъ товарищей, которые уже завтракаютъ, пьютъ пиво и распѣваютъ веселыя пѣсни. Послѣ завтрака молодые люди занимаются чтені-

Наша статья была уже окончена и приготовлена къ печати, когда мы, читая „Новое Время“ отъ 10-го сего Сентября (№ 5579), попали на нижеслѣдующую, подтверждающую наши слова, замѣтку:

„Дерптскій корреспондентъ Рижскаго Вѣстника“ рисуетъ живую картинку изъ быта дерптскихъ студентовъ.

„На-дняхъ, — рассказываетъ онъ, мы были свидѣтелями, какъ старый студентъ заставлялъ юныхъ, только-что вступившихъ подъ сѣнь алмае matris фуксовъ продѣлывать среди бѣла дня, въ самомъ оживленномъ мѣстѣ на Барклайской площади — всевозможныя дѣтски-глупыя продѣлки: бѣгать кругомъ памятника отечественнаго героя гуськомъ, скакать черезъ холмикъ, черезъ скамейки, перелѣзать черезъ невысокую ограду у ихъ корпоративнаго кабака (кней-

емъ или серьезными дѣлами (?). Съ семи часовъ вечера имъ дозволяется посѣщать старшихъ товарищей, которые съ удовольствіемъ ихъ принимаютъ, чтобы дать возможность молодежи скорѣе съ ними сблизиться. Фуксамъ вмѣняется даже въ обязанность ходить по квартирамъ старшихъ корпорантовъ, прося позволенія ужинать у нихъ. Въ 9 часовъ всѣ отправляются въ Кнейпе, гдѣ снова раздаются пѣсни и идетъ попойка. Въ 11

пы), находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда и т. д. Эти клоунскія эволюціи на языкѣ дерптскихъ корпорантовъ называются „фуксенъ променаде“. Одинъ изъ юныхъ фуксовъ, устыдившись, должно быть, смѣющейся кругомъ публики, заупрямился и послѣ первой променады не захотѣлъ было больше участвовать въ глупо-смѣшной комедіи. Но приставленный „дядька“ внушительно взявъ упряма за руку и повелъ его за собою, приговаривая: „nun denn, so, so!“ Замѣтимъ кетати, что этого стыдливаго юношу за его упрямство ожидали, навѣрное, въ кнейпѣ еще большія униженія. За непослушаніе фуксамъ полагается „ванпе“ (клопъ) — напитокъ, состоящій изъ пива, смѣшаннаго съ золой, окурками и проч. дрянью.

Извѣстно, что фуксы обязательно должны по-

часовъ туда являются педеля съ приказаніемъ закрыть трактиръ, но студентамъ не хочется такъ рано расходиться по домамъ. Большая часть изъ нихъ отправляется въ квартиру совѣщаній, въ т. н. Конвентсъ-квартиръ. У каждой корпорации есть свой Конвентсъ-квартиръ, гдѣ корпоранты собираются для совѣщаній или конвентовъ, празднуютъ Коммерсы и упражняются въ фехтованіи. Здѣсь же, послѣ одиннадцати, студенты веселятся“.

виноваться „старикамъ“ и не смущаться никакими глупостями, какія было бы предложено имъ исполнить. Совершенно правъ „Рижскій Вѣстникъ“, удивляющійся силѣ пошлыхъ традицій, господствующихъ въ обыденной жизни дерптскаго студента, удивляющійся, что молодежь, вопреки ожидающимъ ее униженіямъ, вопреки измѣнившимся условіямъ существованія корпораций, вопреки, наконецъ, измѣнившимся взглядамъ на нихъ, продолжаетъ поступать въ корпорации, тратя лучшія, свѣжія силы и нерѣдко послѣднія родительскія средства въ безконечныхъ попойкахъ, въ бессонныхъ ночахъ. Опомнитесь ли когда-нибудь мѣстная молодежь?

Между тѣмъ, эти нравы находятъ себѣ защитниковъ и среди лицъ, давно кончившихъ курсъ

Если студенты проводят таким образом свое время, то спрашивается, когда же они успевают заниматься. Правда, наш автор говорит, что двум семестрам разгула приходит конец и студент серьезно принимается за дело; в течение последних трех лет он уже усердно занимается науками; но ведь курс наук полагается в 4 года; нельзя же его без ущерба для знаний сократить на один год. Кроме того, сам автор говорит, что молодые студенты приходят в кнейпе, чтобы знакомиться и сближаться со старшими; следовательно старшие постоянно имются в кнейпе под рукой. Правда, автор утверждает, что одно другому не мешает и, как доказательство этого, приводит общее число профессоров и академиков, которых будто бы дал за время своего существования Дерптский университет. Таковых оказывается 314*) т. е. по словам автора каждый 50-ый

из Дерпта и, по старой памяти, находящихся их естественными для молодежи».

*) Собственно, абсолютное общее число „про-

студент делается профессором, или иными словами: Дерптское студенчество дает 2% академиков и профессоров. Допустим пока, что все это так. Автор при этом указывает на корпоративный строй университета, как на причину такого изобилия научных сил. Посмотрим, так ли это действительно. Сам автор на 21-ой странице говорит, что корпоративных студентов в университет не больше шести или семисот человек (нам доводилось слышать из других источников, что их не больше пяти сот) т. е. приблизительно 650, а между тем, по словам того же автора, в Дерпте около 1600 студентов вообще — т. ч. корпоративные составляют приблизительно 40,62% *) или

профессоров и академиков» равняется 344, но следует из этой цифры вычесть 30, так как эти 30 были сначала профессорами в Дерпте, а затем за границей и, следовательно, попали в общий список „профессоров и академиков“ два раза.

*) Считая всех корпоративных в 500 душ, окажется, что они составляют только 31,25% всех.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКИ РСФСР

Иевлев. 76

менѣ половины всѣхъ. Теперь спрашивается, кто же даетъ ту массу профессоровъ и академиковъ, о которыхъ говоритъ нашъ авторъ—корпоративные или некорпоративные студенты. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить, что профессора вырабатываются изъ тѣхъ студентовъ, которые не тратятъ время въ кнейпе за попойками, т. е. некорпоративные. Причемъ же, слѣдовательно, тотъ хвалимый Дерптскій строй, за который стоитъ нашъ авторъ и въ которомъ онъ видитъ благо всего университета.

Впрочемъ, количество профессоровъ и академиковъ, которыхъ далъ Дерптскій университетъ, далеко не такъ значительно. Нашъ авторъ, говоря о томъ, что каждый пятидесятый дерптскій студентъ дѣлается профессоромъ или академикомъ, заимствовалъ эту фразу (и, къ слову будь сказано, заимствовалъ ее, не обративъ вниманія на все выше и ниже стоящее) съ 49-ой страницы извѣстнаго интереснаго и добросовѣстнаго сочиненія двухъ бывшихъ Дерптскихъ студентовъ Г. Отто

и А. Гассельблатта: „Von den 14,000 Immatriculirten Dorpats“ *). Въ этомъ же сочиненіи мы усматриваемъ, что подъ профессорами въ данномъ случаѣ подразумеваются и преподаватели въ лицеяхъ, и доценты, лекторы и ветеринары; таковыхъ изъ 314 всего 116 или 36,9% всѣхъ **), „академиковъ и профессоровъ“. Далѣе изъ того же вышеупомянутого сочиненія мы усматриваемъ слѣдующія интересныя данныя: вопервыхъ, всѣ 18 академиковъ принадлежатъ исключительно къ старому поколѣнію, и изъ нихъ наиболѣе молодые, какъ напр. Овсянниковъ, Штренокъ, Штраухъ, какъ извѣстно, уже весьма почтенныхъ лѣтъ. Далѣе мы видимъ, что количество профессоровъ, вышедшихъ изъ стѣнъ Дерптска-

*) Von den 14,000 Immatriculirten Dorpats. Streifzüge in das „Album Academicum“ der Kaiserlichen Universität Dorpats von Dr. G. Otto und A. Hasselblatt. Dorpat, 1891.

**) Профессоровъ же и академиковъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова только 198, слѣдовательно они составляютъ только 63,00% всего обозначеннаго числа (314) т. е. на 36,90% меньше.

го университета, изъ года въ годъ все уменьшается. Вотъ какую таблицу распределения „академиковъ и профессоровъ“ (исключая ветеринаровъ, преподавателей въ лицеяхъ и лекторовъ университетовъ) по отдѣльнымъ тысячамъ Дерптскихъ студентовъ даютъ намъ названные авторы:

Тысячи студентовъ.		Академич.	Дерптскіе профессора.	Профессора въ русскихъ университет.	Профессора заграницую	Сумма.
На	1-ую	4	12	1	1	18
"	2 "	6	6	16	1	29
"	3 "	0	10	26	1	37
"	4 "	3	10	20	1	34
"	5 "	2	11	10	2	25
"	6 "	3	6	6	5	20
"	7 "	0	5	7	7	19
"	8 "	0	5	4	9	18
"	9 "	0	5	4	8	17
"	10 "	0	0	4	2	6
"	11 до 14	0	1	2	2	5
Сумма.		18	71	100	39	228

Эта таблица, составленная на основаніи строго проверенныхъ данныхъ, намъ ясно показываетъ, что современемъ уменьшается количество академиковъ и профессоровъ, вышедшихъ изъ стѣнъ Дерптскаго университета.

Въ этой таблицѣ есть только одинъ недостатокъ *): она не предусматриваетъ что отдѣльныя тысячи могли распределяться по годамъ различно; вслѣдствіе этого едва ли не интереснѣе другая таблица, которую даютъ намъ тѣ же авторы.

*) Какъ въ эту, такъ и въ послѣдующую таблицу вкралась довольно существенная ошибка, заключающаяся въ томъ, что гг. Отто и Гассельбладтъ забыли принять въ соображеніе, что 30 лицъ здѣсь упомянуты два раза, такъ какъ по ихъ же словамъ, (стр. 48), какъ нами было указано выше, эти 30 человекъ сначала были профессорами въ Дерптѣ, а потомъ заграницею или же сначала профессорами, а потомъ академиками — такъ что общее число равняется не 228, а лишь 198; соответствующая поправка, къ сожалѣнію, не могла быть предпринята нами, такъ какъ намъ неизвѣстно, въ какихъ именно рубрикахъ долженъ произойти вычетъ этихъ 30 лицъ.

Года.	Академи- ки.	Дерптскіе профессо- ра.	Професс. въ русскихъ универс.	Профессо- ра за гра- ницею.	Сумма.
1802—1809	1	7	1	0	9
1810—1819	4	7	7	1	19
1820—1829	5	13	32	2	52
1830—1839	3	11	23	1	38
1840—1849	4	13	11	5	33
1850—1859	1	9	12	9	31
1860—1869	0	9	5	15	29
1870—1879	0	2	9	5	16
1880—1889	0	0	0	1	1
Сумма.	18	71	100	39	228

Здѣсь мы, слѣдовательно, еще нагляднѣе видимъ постепенное уменьшеніе количества профессоровъ. Но здѣсь же бросается и другой факторъ въ глаза, а именно: весьма большое количество профессоровъ и академиковъ приходится на 20-ые, 30-ые и 40-ые, отчасти также на 50-е и 60-ые года. Преобладаніе въ эти года (особенно отъ 1820 до 1840

г.) настолько рѣзко, что не безынтересно остановиться на этомъ фактѣ. Онъ объясняется, въ сущности, очень просто и, какъ видно изъ словъ гг. Отто и Гассельбладта, совсѣмъ не строимъ, присущемъ Дерптскому университету, а совершенно другими условіями. По мнѣнію упомянутыхъ авторовъ болѣе 20—40-ыхъ и до 60-хъ годовъ зависить главнымъ образомъ отъ наплыва такъ называемыхъ профессоровъ-студентовъ (Professor-studenten), т. е. отъ наплыва тѣхъ лицъ, которые, получивъ свое образованіе въ русскихъ университетахъ, командировались на казенный счетъ для слушанія добавочныхъ курсовъ въ Дерптъ и, слѣдовательно, собственно безъ основаній включались въ число „Дерптскихъ студентовъ“. Это были, по словамъ названныхъ авторовъ, болѣе даровитые и талантливые русскіе молодые люди, которые прямо готовились на профессуру. Кромѣ того, по словамъ тѣхъ же авторовъ, наплывъ т. наз. „профес-

соровъ-студентовъ“ поднималъ авторитетъ Дерптскаго университета, вслѣдствіе чего многіе изъ молодыхъ людей, желавшихъ послѣ окончанія курса въ русскомъ университетѣ дополнить свое образование, чтобы добиться профессуры, отправлялись по собственной инициативѣ и на свой счетъ въ Дерптъ для научнаго усовершенствованія, т. к. въ 20—40-хъ и до 60-хъ годовъ у насъ смотрѣли (справедливо ли или нѣтъ—это другой вопросъ) на Дерптскій университетъ, какъ въ настоящее время у насъ смотрятъ не безъ вѣскихъ основаній на нѣкоторые университеты Западной Европы. Кромѣ этихъ двухъ только что упомянутыхъ причинъ, обуславливавшихъ увеличеніе числа профессоровъ изъ Дерпта, нельзя упускать изъ вида и то, что, по словамъ гг. Отто и Гассельбладта, въ 20—40-ыхъ годахъ въ русскихъ университетахъ былъ громадный спросъ на профессоровъ: академическое образование въ только что возникавшихъ русскихъ университетахъ еще не пустило настолько глубокихъ корней, чтобы имѣть из-

бытокъ ученыхъ; въ то время на профессоровъ существовалъ большій спросъ, чѣмъ теперь, т. е. въ 20—60-ыхъ годахъ было гораздо легче сдѣлаться профессоромъ, чѣмъ въ настоящее время.

Если теперь мы примемъ во вниманіе 1) что слишкомъ 36% (36,9%) такъ называемыхъ профессоровъ, которыхъ намъ далъ Дерптскій университетъ, не были профессорами въ настоящемъ смыслѣ этого слова (но ветеринары, лекторы, доценты и преподаватели въ лицеяхъ), 2) что добрая доля „профессоровъ изъ Дерпта“ ни что иное, какъ воспитанники русскихъ университетовъ т. е. лишь временно по казенной командировкѣ пребывавшіе въ Дерптскомъ университетѣ русскіе молодые люди, 3) что въ старые годы былъ большій спросъ на профессоровъ, чѣмъ теперь, и что въ старые годы слѣдаться профессоромъ было легче, 4) и что, наконецъ, большее количество профессоровъ (а академики всѣ) принадлежатъ къ старымъ годамъ—то что же можно сказать о пресловутой фразѣ нашего автора, будто каждый

50-тый дерптскій студентъ становится профессоромъ или академикомъ. Что сказать далѣе, глядя на разительное быстрое уменьшеніе съ годами количества профессоровъ изъ Дерпта, когда изъ Дерптскаго университета за послѣдніе 10 лѣтъ вышелъ всего только одинъ профессоръ, когда послѣдніе 4000 дерптскихъ студентовъ дали всего только 5 профессоровъ, т. е. 0.1% (0.102%) всего числа. Между тѣмъ въ нашихъ русскихъ университетахъ, напротивъ того, число профессоровъ возрастаетъ изъ года въ годъ.

Мы, слѣдовательно, видимъ, что о 2% профессоровъ, о которыхъ говоритъ авторъ брошюры, и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ того, за послѣдніе годы Дерптскій университетъ далъ неизмѣримо меньшій процентъ (0.102%). Мы видимъ далѣе, что строй Дерптскаго университета не только, повидимому, не способствуетъ солидной образованности, а, напротивъ того, дѣйствуетъ въ совершенно противоположномъ направленіи.

Кстати объ этомъ строѣ: самъ авторъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, пишетъ, что корпорации носятъ характеръ такъ сказать аристократическій — такъ какъ вступаютъ въ нихъ только богатые студенты, между тѣмъ какъ бѣдные не имѣютъ для этого „ни достаточно средствъ, ни времени“. Это очень жалко, конечно, если корпоративный строй такъ хорошъ, какъ говоритъ нашъ авторъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого строя приходится отказываться 60% всѣхъ студентовъ, т. е. большинству. Но это большинство не только не причастно къ корпорациямъ, но даже пользуется извѣстнымъ презрѣніемъ со стороны корпоративныхъ студентовъ, что, между прочимъ (какъ пишетъ и самъ авторъ брошюры), выражается въ кличкѣ, которой наградило „аристократическое“ меньшинство не корпоративныхъ студентовъ: а именно ихъ называютъ „дикими“. Слѣдовательно, и здѣсь проглядываетъ общее явленіе въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ во всякое время и вездѣ господствовало нелояльное самовластное меньшин-

ство надъ общею массою. Нельзя сказать, чтобы общая масса студентовъ не тяготилась такимъ давлѣніемъ сравнительно небольшой группы товарищей; это между прочимъ доказывается возникновеніемъ новыхъ корпорацій, созданныхъ лицами, недовольными общимъ строемъ. Основные, т. е. наиболѣе старинныя четыре корпораціи (основанныя на землячествахъ) Эстонія, Ливонія, Куронія и Ригензисъ образовались въ 20-хъ годахъ; двѣ же новыя корпораціи, о которыхъ мы хотимъ упомянуть здѣсь, Необалтія и Академика создались въ концѣ 70-хъ годовъ. Необалтія, основанная людьми недовольными, по словамъ нашего автора, общимъ строемъ, опирается на всеобщее землячество молодыхъ людей Остзейскаго края *), а Академика принимаетъ всѣхъ учащихся въ Дерптскомъ университетѣ. Этимъ двумъ корпораціямъ (а также и вновь образовав-

*) Это, впрочемъ, кажется, только относительно, такъ какъ, сколько намъ помнится, одинъ изъ основателей этой корпораціи былъ колонистъ изъ Саратовской губерніи.

шейся Леттоніи) пришлось выносить весьма много несправедливостей со стороны старыхъ корпорацій, пока имъ не удалось стать на твердую ногу, а членовъ Академики даже прозвали обиднымъ именемъ „какаду“. Что новыя корпораціи образовались изъ лицъ недовольныхъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что при возникновеніи ихъ общій отзывъ корпоративныхъ дерптскихъ студентовъ о нихъ былъ тотъ, что эти люди, будто, не удостоенные цвѣтной „почетной“ шапки корпорацій, настолько сильно желали приобрести таковую, что выдѣлились въ особую группу и выдумали, учредивъ свою собственную корпорацію, свои цвѣтныя шапки, чтобы щеголять въ нихъ.

Если строй Дерптскаго университета такъ хорошъ, какъ говоритъ авторъ брошюры, и если онъ между прочимъ способствуетъ охлажденію политическаго пыла, то почему же поляки, воспитанники этого университета, не дѣлаютъ отроднаго исключенія изъ общей массы своихъ одноплеменниковъ и принимаютъ въ политическихъ волненіяхъ такое же

участіе, какъ поляки, вышедшіе изъ другихъ университетовъ. Что это дѣйствительно такъ, т. е. что хваленый Дерптскій строй не способствуетъ умаленію политическихъ страстей поляковъ, мы видимъ опять-таки изъ сочиненія гг. Отто и Гассельбладта: они пишутъ, на стр. 36 что среди „неизвѣстныхъ“ т. е. среди тѣхъ бывшихъ дерптскихъ студентовъ, о положеніи которыхъ въ настоящее время ничего неизвѣстно, большая доля приходится на поляковъ, безъ вѣсти пропавшихъ послѣ польскихъ возстаній и политическихъ волненій, въ которыхъ они принимали участіе.

Если Дерптскій строй дѣйствительно образцовый, заслуживающій подражанія, если онъ дѣйствительно такъ хорошъ, какъ объ этомъ пишетъ авторъ брошюры, то почему же среди дерптскихъ студентовъ смертность такъ велика? Изъ сочиненія гг. Отто и Гассельбладта мы опять таки узнаемъ, что въ среднемъ смертность за 88 лѣтъ (съ 1802 до 1890 г.) существованія Дерптскаго университета равняется 2,7% т. е. колоссальнѣй-

шему проценту *). Такой громадный процентъ смертности, естественно, возбуждаетъ интересъ къ вызывавшимъ ее причинамъ. Само собою разумѣется, что причину смерти каждаго умершаго съ 1802 года дерптскаго студента констатировать невозможно, тѣмъ не менѣе, „Album Academicum“ дало гг. Отто и Гассельбладту возможность констатировать, что распространеннѣйшими причинами смерти студентовъ въ Дерптѣ были и до сихъ поръ суть: 1) чахотка—недугъ,

*) Принимая въ соображеніе, что большинству студенческой молодежи приблизительно отъ 20 до 25 лѣтъ, не безъинтересно будетъ сравнить процентъ (2,7%) смертности дерптской студенческой молодежи съ процентомъ смертности въ другихъ мѣстностяхъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 л. Оказывается, что въ Пруссіи (данныя 1876 г.) смертность въ этомъ возрастѣ равняется 0,88%, въ Австріи—0,93%, во Франціи—1,30%, въ Италіи—1,01% (данныя гг. Отто и Гассельбладта). Ю. Э. Янсонъ даетъ (Сравни. Статис. Россіи т. I 1878 г.) намъ слѣдующіе проценты смертности въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ: Швеція—0,59%, Норвегія—0,65%, Данія—0,67%, Франція—0,86%, Англія—0,82%, Бельгія—0,85%, Голландія—0,80%, Прус-

которому конечно способствует разгуль молодежи (упомянутые авторы даже отмѣчают, что наибольшая смертность отъ 1825 до 1831 года объясняется между прочимъ особенно разгульной „wilden“ жизнью именно этихъ годовъ) 2), самоубійство, обусловливаемое, конечно, скорѣе разстройствомъ нервной системы отъ разгула и какъ слѣдствіемъ его неудовлетворенности, чѣмъ усиленными занятіями; 3) дуэли, которые были распространены всегда и особенно сильно за

сія— 0,70‰, Баварія—0,88‰, Италія — 0,81‰, Австрія—0,81‰. Весьма интересны данныя о процентѣ смертности въ Ревелѣ за разные года, которая даетъ Л. Н. Малиновскій (къ изученію въ медико-топографическомъ и статистическомъ отношеніи г. Ревеля, 1891 года) а именно: въ 1882 году въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ умерло — 0,71‰, въ 1883 — 1,10‰, въ 1884 — 0,82‰, въ 1885—0,79‰, въ 1886—0,79‰, въ 1887—0,77‰, въ 1888—0,72‰ за всѣ года вмѣстѣ — 0,81‰; въ Петербургѣ отъ 1880 до 1885 г. (Эрисманъ — Санитарная статистика) въ этомъ же возрастѣ — 1,47‰, и во всей Россіи (Эккъ — Опыт обработки статист. данныхъ о смертности въ Россіи) отъ 1871 до 1880 г. всего—0,84‰.

послѣднее время (такъ что упомянутые авторы говорятъ о „маніи дуэли“—стр. 17) *) и которая какъ оказывается (даже противъ нашего личнаго ожиданія), даютъ большой процентъ смерности. Слѣдуетъ отмѣтить, что гг. Отто и Гасельбладтъ упоминаютъ среди уважительныхъ (по количеству) причинъ смерти „коварнаго Эмбаха“—т. е. многіе студенты находятъ свою смерть въ волнахъ этой рѣчки. Мы лично склонны думать, что постоянная нетрезвая жизнь дерптской студенческой молодежи только способствуетъ послѣднему способу смерти.

*) Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ (за другіе года мы не ручаемся) манія дуэлей проникла даже въ стѣны гимназій (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ); такъ, напр., дуэли практиковались въ гимназій, въ которой пришлось получить воспитаніе намъ. Эти гимназическія дуэли происходили исключительно на эспадронахъ и тщательно скрывались; дрались либо тупыми шпагами подъ видомъ упражненія въ фехтованіи, либо шпаги оттачивались на вершокъ, либо, наконецъ, отламывался кончикъ шпаги, причемъ шпага довольно сильно рѣзала тѣло мѣстомъ излома.

Послѣ этого невольнаго, но на нашъ взглядъ необходимаго, отступленія мы вернемся опять собственно къ брошюрѣ „о студенческой жизни въ Дерптѣ“. Авторъ слѣдующими словами продолжаетъ обрисовывать жизнь студентовъ: „Самый торжественный актъ въ студенческой жизни—это Коммерсъ. Имъ выражается принципъ солидарности всѣхъ студентовъ, „коммитоновъ“, соратниковъ на полѣ науки, и идея студенческой добродѣтели. Въ началѣ торжественнаго обряда поются три студенческія пѣсни въ родѣ *) „Gaudemus igitur“, причемъ нѣкоторые студенты отбиваютъ тактъ шпагами, украшенными цвѣтами корпорации. Затѣмъ исполняется такъ-называемый „ландесфатеръ“. Пѣсня начинается словами: „Всѣ молчите и обратите вниманіе на то, что теперь проис-

*) Авторъ напрасно скрываетъ другія двѣ пѣсни: онѣ совсѣмъ не „въ родѣ Gaudemus igitur“, а въ родѣ „Deutschland mein Vaterland“. Последняя пѣсня въ данномъ ли случаѣ или въ иномъ, но также поется; поется также „Ich hab mich ergeben...“ и т. д.

ходить“. Выступаютъ нѣсколько студентовъ со шпагами въ рукахъ—это т. наз. ландесфатеры. Рядомъ съ ними стоятъ съ одной стороны корпорантъ съ серебрянымъ бокаломъ, наполненнымъ бѣлымъ виномъ, съ другой — товарищъ-секундантъ со шпагою. Слѣдуя извѣстному порядку, ландесфатеры обращаются къ каждому студенту съ такими словами: „Возьми, товарищъ, сей кубокъ, полный добраго вина и, взявъ въ лѣвую руку шпагу, пронзи ею свою шляпу и выпей за процвѣтаніе нашей корпорации“. Тотъ, къ кому обращены эти слова, прикладываетъ два пальца правой руки къ клинку шпаги и отвѣчаетъ: „Пронзаю шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть бравымъ буршемъ“. Когда, наконецъ, всѣ трехцвѣтныя шапочки нанизаны на клинкахъ шпагъ, ландесфатеры подходятъ къ тѣмъ, которые послѣдними пронзили свои шапки и одѣваютъ ихъ имъ на головы. Ландесфатеръ и его секундантъ скрещиваютъ шпаги надъ головою студента и при этомъ поются на веселый мотивъ слѣдующія

слова: „Возьми шапку назадъ, мы покрываемъ ею твою голову и держимъ надъ тобою шпаги; пока мы знакомы, мы считаемся братьями; негодяй тотъ, кто бранить тебя; да здравствуетъ нашъ братъ NN!“ Такимъ образомъ, мало-помалу, всѣ шапки возвращаются владѣльцамъ. Затѣмъ провозглашаютъ тосты за университетъ и т. д. и поется пѣсня цвѣтовъ. Каждая корпорація имѣетъ свою пѣсню цвѣтовъ. Раздаются восклицанія: „exest! prosit! fiducit! initium fidelitatis!“ и до бѣлаго дня студенты поютъ, пьютъ и веселятся. На другой день устраивается завтракъ, за которымъ студенты опохмѣляются — прогоняютъ „капенъяммеръ“. Профессора часто присутствуютъ на коммерсахъ и, вообще, принимаютъ снисходительное участіе въ дѣлахъ студентства, поддерживая своимъ вліяніемъ и совѣтомъ разумныя стремленія корпорацій“.

Каждый человѣкъ имѣетъ свою манеру пить, кутить или веселиться — скажите, какъ хотите; но что же тутъ хорошаго, что тутъ такого, чтобы заслужи-

вало вниманія или изданія на эту тему специальной брошюры. Не все ли равно, „протыкаютъ ли шпагою шапку, кладутъ ли на шпагу два пальца?“ все одно — пьютъ. Пьютъ всѣ, но объ этомъ не пишутъ, а еще менѣе выставляютъ это на показъ, какъ будто факторъ, способствующій нравственности.

Одна изъ специфическихъ сторонъ жизни Дерптскихъ студентовъ это, какъ извѣстно, дуэль. Дуэль въ Дерптѣ, какъ было нами выше сказано, стоитъ жизни многимъ студентамъ, хотя громадное большинство все-таки отдѣляется простыми штрафами *). Но дѣло не въ этомъ. Въ сущности говоря, не все-ли равно, балуется-ли молодежь шпагами (если исключить смертные случаи) или нѣтъ, наносить ли себѣ царапины или нѣтъ,

*) Дуэль происходитъ обыкновенно на эспадронахъ (на пистолетахъ несравненно рѣже), причемъ принимаются извѣстныя мѣры предосторожности: на головѣ шлемъ, на животѣ и до колѣнъ навязывается толстый войлокъ (въ видѣ фартука), украшенный цвѣтами той корпораціи, къ которой принадлежитъ участникъ; наконецъ,

гордится ли этими „ранами“; но здѣсь есть сторона другая, гораздо болѣе существенная.

Авторъ брошюры выставляетъ цѣлую теорію о самооборонѣ и чести; онъ говоритъ, что въ „молодомъ человѣкѣ“ начинаютъ (при вступленіи его въ Дерптскій университетъ) вырабатываться извѣстные понятія о чести и о личномъ достоинствѣ; онъ видитъ, какъ старшіе товарищи защищаютъ свою личность отъ оскорбленій, и узнаетъ, что для самоуваженія и для приобрѣтенія уваженія со стороны другихъ нельзя безнаказанно сносить обиду, а необходимо требовать удовлетворенія“. Вотъ та теорія, которой придерживается нашъ авторъ, такъ же какъ ея придерживаются всѣ воспитанники Дерптскаго университета, и которой обусловливается манія дуэлей.

arteria subclavia гарантируется толстой шелковой повязкой; остаются свободными, слѣдовательно, плечи, правая рука и грудь. Тѣмъ не менѣе бывають случаи смерти и отъ ударовъ шпаги, если они очень сильны или если ухоть за раною плохо.

Защищать личность отъ оскорбленій, конечно, дѣло хорошее; но всякій согласится съ тѣмъ, что если такъ часто приходится защищать свою личность, то слѣдовательно гарантіи личности очень мало, что слѣдовательно очень часто наносятся оскорбленія *)—и это среди товарищей, считающихъ себя всѣ сыновьями одной *almae matris Dorpatensis*! Намъ казалось бы желательнымъ и необходимымъ вообще для человѣчества и, конечно, для Дерптскаго университета не въ меньшей мѣрѣ имѣть помимо понятія о „самоуваженіи“, о „личномъ достоинствѣ“ еще понятіе объ уваженіи личности другаго и о достоинствѣ другаго человѣка и особенно своего това-

*) Глядя на обращеніе дерптскихъ студентовъ, можно только удивляться, какъ оно безперемонно; двумъ дерптскимъ студентамъ ничего ни стоитъ изъ-за пустяковъ или ни съ того, ни съ сего другъ-друга наградить площадными словами и потомъ передать другъ-другу карточки въ знакъ вызова на дуэль. Но вѣдь разъ дуэли такъ часты, то и значеніе ихъ теряется, а слѣдовательно и оскорбленіе остается несмысленнымъ.

рища,—а между тѣмъ именно этого то у студентовъ Дерпта нѣтъ и никогда не было.—Впрочемъ, понятія объ уваженіи личности ближняго никогда не было вообще у балтовъ, жизнь которыхъ, какъ извѣстно, всегда обуславливалась взаимной враждой, презрѣніемъ къ остальнымъ „ниже ихъ стоящимъ“. Личное „я“ въ ущербъ своему ближнему—вотъ принципъ, которымъ руководствовались издавна балты, и которымъ между прочимъ руководствуются и дерптскіе студенты. Въ этомъ же принципѣ лежитъ причина возникновенія корпорацій: у балтовъ (въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ) не было сознанія общаго единенія, а стремленіе къ оборонѣ своего „я“ заставляло спланиваться отдѣльными наиболѣе близко стоящими группами. Въ этомъ есть много остатковъ грустной старины, не знавшей братской любви въ ея широкомъ значеніи,—въ этомъ есть нѣчто аналогичное старинному родовому строю, присущему малокультурнымъ народамъ.

Нѣмцы вообще и въ частности балты всегда любили упрекать славянъ въ

томъ, что они будто бы не способны къ единенію, будто бы вѣчно враждуютъ между собою. Но именно исторія германскихъ народовъ и, между прочимъ, исторія балтовъ доказываетъ, что нѣмцы способности къ единенію имѣютъ, повидимому, еще меньше. Мы лично держимся того мнѣнія, что понятіе объ единеніи большихъ національных группъ въ мирѣ и любви, а не на основаніи покоренія должно возрастать съ окультивированіемъ народа, что народъ, стоящій на низкой степени развитія, не способенъ выработать понятіе о такомъ народномъ единствѣ. Это намъ показываютъ разнообразныя племена, въ томъ числѣ германскія, славянскія, тюркскія и другія. Но не каждый народъ, не каждая племенная группа воспринимаетъ одинаково быстро идеалы цивилизации, и нѣмцы воспринимаютъ эти идеалы наиболѣе трудно.

По какому-то роковому историческому недоразумѣнію нѣмцы, и въ частности балты, вообразили себѣ, что все, что имъ присуще, лучше, чѣмъ въ корен-

ной Россіи, даже больше—одно время они насъ самихъ убѣдили въ этомъ; но какъ все искусственное и навѣянное, не имѣющее прочнаго базиса, такъ и это убѣжденіе въ Россіи пало и мы научились „самоуваженію“.

Такъ и авторъ названной брошюры, повидимому, балтъ *), выхваляетъ строй Дерптскаго университета, изъ принципіальнаго убѣжденія, что онъ хорошъ; совѣтуетъ не трогать того, что въ покоѣ. Но въ нашемъ отечествѣ, занимающемъ $\frac{1}{6}$ часть земного шара, никто не живетъ исключительно мыслью о балтійскомъ поморьѣ и тѣмъ менѣе мыслью о Дерптскомъ университетѣ; мы всѣ живемъ интересами обще-государственными; кромѣ балтовъ наше отечество вмѣщаетъ въ себѣ десятки инородцевъ съ разными традиціями, съ разною кровью въ ар-

*) На это мы имѣемъ довольно вѣскія доказательства (хотя фамилія авторомъ скрыта); кста-ти вся брошюра писана недостаточно хорошимъ литературнымъ русскимъ языкомъ—много германизмовъ въ оборотахъ.

теріяхъ, и всѣ они члены единой Руси; а между тѣмъ авторъ брошюры о студенческой жизни въ Дерптѣ увѣренъ въ томъ, что, какъ говоритъ пословица: «только и свѣту, что въ окошкѣ».

